

Василий
Щепетнев

Рикошет

16+

Василий Павлович Щепетнев

Рикошет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67964613

SelfPub; 2023

Аннотация

Что будет, если в нашей действительности появится человек из мира, в котором СССР – великая, могучая и передовая держава? Интересно будет!

Содержание

1	4
2	20
3	36
4	48
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Василий Щепетнев

Рикошет

1

Если после волнового перехода у тебя ничего не болит, значит, ты умер.

У меня болело всё. Руки, ноги, голова, внутренности, кости, да к чему ни прислушайся – всё вопило, плакало или просто шептало, в зависимости от остатка сил.

Что ж, бывает. Волновой переход – дело не рядовое, и разумею, переместившийся на триста пятьдесят миллионов километров в у-тело, должен свыкнуться с новой оболочкой. Потом можно будет подогнать у-тело по вкусу, но это потом. Сейчас же нужно пройти фиксацию и контроль.

Я открыл глаза. По очереди. Сначала правый. Увиденное мне не понравилось. Тогда левый. И здесь ничуть не лучше. Центр приёма за время прошлого визита, а было это месяц назад, изменился разительно.

И не в лучшую сторону.

Я сел. Никто меня не поддержал, никто не остановил, никто не спросил о самочувствии. Такого просто не могло быть, я ведь сам перед пуском нервно шутил с Гибаряном и его бригадой, а вот на тебе – никого в приёмной. Да это и не

приёмная вовсе, будто я приёмных не видел, тем более габаритовскую знаю назубок, два раза в неё перемещался. Сегодня должен был быть третий, финальный переход, после чего испытаниям предстояло выйти на расширенный уровень.

Но выйдут ли?

Я поднялся, встал с кровати (кровать, а не функционального кресла – вот и ещё одна странность!). И сила тяжести земная. Полно, да на Марсе ли я?

На заплетающихся ногах я подошел к окну. Воля ваша, но это ни разу не Марс.

Тогда где я? На Земле? Переход не состоялся? Но тогда почему я в чужом теле?

Может быть, рикошет? Теоретики не исключают возможность спонтанного рикошета, но вероятность его в миллион раз меньше, нежели вероятность столкновения с крупным метеоритом во время перелёта «Земля-Марс». Или в триллион. Всё равно – теория, авария из-за столкновения с метеоритом известна лишь одна, и то неясно, был ли тот метеорит естественным или же рукотворным. О ментальном рикошете известно и того меньше. Ничего не известно, во всяком случае, при волновом переходе человека.

И тут меня скрутило. Пусть с запозданием, но дошло: отравление, и серьёзное отравление. Кетоны, эфиры, барбитураты, метанол, этанол... Короче, спасайте меня все.

А никогошеньки рядом нет.

Я добрел до крана – старинного, водопроводного. Вода в

кране была – плохонькая, но на экстренный случай и этой рад. Свалился в ванную, тоже явно с раскопок. Выпил воды. И начал проводить детоксикацию.

Случайно я эндобиолог. То есть не случайно, на первой стадии испытаний эндобиологи только и работают первопроходцами. Вот и пригодилось.

Размышлять на отвлечённые темы было некогда. А отвлечёнными темами были все, не относящиеся к выживанию. Я стремился выжить, а уж потом, если справлюсь с первой задачей, придёт время и задач других.

Пил воду. Активизировал ферменты, расщеплял смертельные яды до полусмертельных, полусмертельные до четвертьсмертельных, и так далее. Выводил яды и продукты распада всеми доступными способами. Дыхание, пот, моча и очень жидкий понос. Опять пил воду, теперь подслащенную (на счастье, в квартирке нашлось немного сахара) и опять выводил яды. Поправлять печень, почки и прочие пораженные органы стал чуть позже, когда понял, что от яда в ближайший час не умру.

Лечился изнутри: белки, жиры, углеводы и минералы брал свои. Вернее, тела, в которое попал. И продолжал пить и выводить, выводить и пить.

Как это меня угораздило-то? В протоколе эксперимента никаких отравлений не предусматривалось. Стартовать с Луны, воплотиться на Марсе, адаптироваться – и в обратный путь с освобождением у-тела, чтобы не множиться сверх ме-

ры. А тут...

Я провел анализ. Что ж, из критического положения удалось выйти. Токсинов во мне осталось мало, выйдут в обычном режиме, органы удалось сберечь от необратимых повреждений. Сейчас бы поспать часочка три, да некогда. Нужно понять, что, всё-таки, случилось. Или хотя бы попытаться понять.

Я вымылся сам, вымыл ванную. Вода холодная – это я не жалею, это я отмечаю. В плохоньком зеркале себя я не узнал. Конечно, это не я. И глаза не мои, и уши, и всё остальное. Положим, собственные уши и глаза изменить эндобиологу несложно, что угодно изменить можно, было бы время и материал, но я-то ничего не менял.

Я выбрался в комнату. Обставлена скудно, как в пиэссе «На дне», которую мы ставили в школьном драмкружке. В зеркале-трюмо я не умещался, но и того, что увидел, подтверждало – никак не я это.

У-тело? Не бывает таких у-тел. У-тело близко к идеалу, все органы работают безупречно, в общем – Аполлон Бельведерский, только мозг чистый, в смысле – пустой. Вселяйся и работай, а индивидуальность в тело привносишь потом. Но моё нынешнее местообитание не то, что на Аполлона – не тянет даже на «рядового необученного» работы Каstellло. И скелет, и мышечная масса, и вид, и осанка – таких не берут в космонавты. Даже в поход по родному краю второй категории не берут: ты, брат, сначала пойд, поработай над собой.

А не в состоянии – вот направление на коррекцию.

Положим, пришлось израсходоваться на срочную очистку и ремонт, но зубы – как можно жить в наше время с такими зубами? Да и зрение, и слух, и обоняние – все либо плохое, либо очень плохое. И на отравление списать трудно.

Зазвонил телефон. Обыкновенный, хоть и старенький – в этой квартире всё было старенькое. Или откровенно старое.

Я поднес к уху трубку.

– Что, живой еще? – голос злой, напряженный, женский.

– Скорее да, чем нет.

– Очередная болтовня? Или только пугал, пожалейте несчастенького? Я так и знала. Не звони мне больше. Никогда.

– Но я...

– Денег не будет. Хватит и того, что мы тебе дали. Учти, станешь надоедать – скажу Игорю. Ты ведь знаешь Игоря? Потому забудь обо всем и живи, раз уж решил жить.

В трубке – гудки отбоя. Я посмотрел на неё, пытаюсь осмыслить услышанное. Похоже, предполагалась, что я, то есть моё нынешнее тело, мертво. Так бы и было, если бы я запоздал с очищением.

Я набрал номер Лунной лаборатории.

– «Набранный вами номер не существует», ответил бесстрастный голос. Тогда – Земной филиал. «Набранный вами номер не существует». Третья попытка пришлась на Личного Секретаря. И опять «Набранный вами номер не существу-

ет».

Это куда же я попал, если невозможно связаться с Личным Секретарем?

Оставались публичные службы помощи, но я решил повременить. Понять, что следует говорить, а о чем лучше умолчать.

Рядом с телефоном лежали два листка бумаги. На одном написано коротко: «В смерти своей никого лично не виню. Время такое. Виктор Брончин» Закорючка-подпись и дата. Датировано письмо было по грегорианскому календарю двадцать пятым июлем две тысячи пятнадцатого года. Вот и хорошо, а то уже начали лезть в голову всякие нелепицы о переходе в прошлое или будущее – некоторые теоретики и этого не исключали. Вернее, один теоретик. Даже меньше.

Никакого прошлого, значит. О будущем почему-то не думалось.

Я развернул второй листок.

«Лика! Если ты читаешь эти строки, значит, ты всё-таки пришла, а я всё-таки мёртв. Ну и ладно. Оно, может, и малодушно – бросить карты, не закончив игру, но что делать, если игра надоела смертельно? И проигрыш не радует, и выигрыш, даже если и случится... Хотя с чего бы ему случаться? Деньги на похороны в обычном месте, должно хватить – по низшему разряду. Пусть потомки помучаются, поищут. Моцарта вон до сих пор могилу найти не могут. Ладно, пустое. Пока-пока!»

Значит, вон оно как. Виктор Брончин сознательно решил умереть, наглотался гадости, потерял сознание, на пороге, за порогом, у выхода – и тут в его опустевшее сознание попадаю я. Эндобиолог, и хороший эндобиолог. С большим практическим стажем, не раз бывавший в переделках. Беру контроль над телом в собственные руки, спасаюсь и вот теперь стою, думаю, что делать дальше.

Что делать, что делать... Сориентироваться на местности, вот что делать.

Я не спеша осмотрел жилище Виктора Брончина. Он, похоже, был педантом. Всё разложено по полочкам, у всего даже надписи есть. Похоже, Виктор – офицер. Или бывший офицер. Этот вывод дался мне легко – достаточно было открыть платяной шкаф и увидеть парадную форму. Покрой странный и погоны странные. Или он – актёр, в роль вживается?

В мусорном ведре я нашел множество пустых упаковок всякой дряни. Того, что лет пятьдесят считали лекарством, и того, что и тогда считали дрянью. Ага, вскрыл, таблетки высыпал, а упаковки бросил в ведро. Я же говорю – аккуратист. На крохотном кухонном столике бутылка, стакан и блюдо с тонко порезанным лимоном. Бутылка пустая, лишь на дне осталось чуть-чуть. Этикетка сообщала, что это коньяк. Я понюхал. По коньякам я не специалист, но, помнится, их изготавливают из винного, сиречь виноградного спирта, здесь же был спирт пшеничный. И ещё полдюжины составляющих,

к коньяку отношения не имеющих – и это я определил лишь по запаху, а обоняние у Виктора Брончина далеко не в лучшем состоянии после пережитого.

Лимон же остался лимоном. Недозрелым, но лимоном. Значит, открыл бутылку, налил коньяк в большой фужер и им, коньяком, запил таблетки, закусив лимончиком. Ввёл для верности инсулин – в ведре был шприц и флакон, – после чего лёг на застланную наново постель. Такая вот последовательность.

Я вернулся к столу письменному. Открыл ящик, выдвинул. Коричневая папка с документами. Документы древние, большей частью рукописные или машинописные. Паспорт, военный билет я распознал сразу, остальные ввергли в сомнение.

В паспорт были вложены бумажки. Ага, деньги. Судя по всему, здесь они в ходу. Рубли, но странные рубли. Я пересчитал: сколько стоит умереть по последнему разряду, без почестей.

С каждой бумажкой непонятного становилось больше и больше. Сменяю точку зрения.

Я вновь подошел к окну, теперь уже стоя на ногах если не крепко, то уверенно, нежели в минуту прибытия.

Вид открывался фантастический. С высоты двадцати метров – коробка двора, заставленная мобилями. Судя по всему – виду, запаху и шуму – были они жестяными и работали на углеводородном топливе, скорее всего на бензине. Середина

двадцатого века – в лучшем случае. Много мелкой дряни: пластиковые пакеты, битые и целые бутылки, просто бумажки, да мало ли чего... Но самым невероятным были люди. Они двигались, сидели, говорили разбалансировано. Неэффективно. Как неисправные автоматы. Да и вид их, отсюда, с высоты двадцати метров, оставлял желать лучшего. Вроде Виктора Брончина, если не хуже. А напротив меня – здания, донельзя убогие. Голая функция, воображение термита. Да и функция именно голая, в жару в таких жилищах должно быть жарко, в стужу – холодно, и приходилось либо тратить-ся на охлаждение и обогрев, либо так и жить то в жаре, то в холоде. Бараки для бесправных? Строили такие в конце сороковых, начале пятидесятых двадцатого века.

Похоже, я в городке аутсайдеров. Людей, не признающих ни трансформацию тела, ни развитие духа. Живущих по заветам прадедов. И телефонная станция у них автономная, потому и не связала меня ни с Лунной лабораторией, ни с Личным Секретарем. Вот только живут аутсайдеры в поселениях маленьких, редко превышающих тысячу человек. А тут...

Я вернулся в кухню, окном своим выглядывающую на противоположную сторону. Не двор, а улица лежала предо мной. Насколько можно судить – большая улица. По улице медленно ползли мобили, над которыми дрожало марево выхлопа. Нет, счет на большие тысячи.

Аутсайдерами я пристально не интересовался, не было

причины. Почему бы им и не жить в крупном селении, в городе? Заняли какой-нибудь из бывших промышленных, заняли и живут. Проблема, откуда у них топливо для мобильных? Получают по квоте, как прописано в Декларации Свободы. Из угля синтезируют, либо из мусора. Вон его, мусора, тут сколько...

И всё-таки, всё-таки...

Я вернулся к бумагам. К паспорту. Двуглавый орел, Российская Федерация. Для игры слишком уж серьёзно. Хотя мне ли не знать, как легко заигрываются люди.

Я почувствовал приближение голода. Да, на очищение ушло немало и энергии, и структуры. Необходимо восполнить. А если речь идет о переустройства тела – а она, речь, идет, несомненно, пусть я и говорю сам с собою, еды нужно много. В квартире оставалось много интересных и непонятных вещей, но нужно определить материальный базис.

Статусной карты Виктора Брончина я не нашел. Возможно, её у Брончина и не было: аутсайдеры потому и аутсайдеры, что не признают статус. Тогда как я получу еду? За деньги?

О деньгах я знал многое. Из детских книг. Мушкетёры, рыцари, путешественники – все пользовались деньгами. И в пьесах Горького тоже. Я даже старые плоские фильмы помнил, где актеры изображали процесс купли-продажи. Нужно только знать покупательную способность нынешнего рубля. Ладно, разберусь. Погляжу, как поступают другие, подумая,

ещё раз посмотрю – и разберусь. Слепо следовать фильмам не стану, те ведь изображали середину двадцатого века, или даже вовсе век четырнадцатый, а за окном – двадцать первый, тем более, в городке аутсайдеров.

Проще всего, конечно, было спросить у любого прохожего, где тут местный совет, а уж местный совет, аутсайдерский или нет, обязательно бы связал меня с Личным Секретарем, но я воздерживался от слишком простых решений. И причиной тому было самоубийство Виктора Брончина. В нормальном окружении самоубийство относительно здорового и относительно вменяемого человека – штука чрезвычайная. Я вспомнил звонок неизвестной женщины (Лики?) – и решил подождать. У аутсайдеров порой бывают самые странные представления о современности. О перемещенном сознании в частности. Кто я для них? Виктор Леонидович Брончин? Или Артем Иванович Краснов? Вопрос не простой, недаром перенос сознания по-прежнему остается на стадии эксперимента, и знают об этом далеко не все. В городке аутсайдеров могут совершенно ничего не знать, более того, должны ничего не знать. И будут обходиться со мной, как Брончиным – по аутсайдерским правилам. Какой у Брончина личный секретарь? Какая Лунная лаборатория? Ну-ка, смирительную рубашку, электрошок и гипогликемическую кому с клистиром перед процедурой.

Я, конечно, утрирую. Правила внутри аутсайдерских поселений не могут нарушать Декларацию Свободы. Но ведь

откуда-то появились у Брончина древние лекарства современного выпуска? И эти сотни мобилей, медленно катящиеся по улице, тоже нарушают Декларацию, сжигая без необходимости воздух и углеводороды. Попадёшь в щель исключения, и когда еще из нее выберешься. Нет, торопиться не след.

Я отыскал бельё, одежду. Сидело на мне скверно: и параметры мои изменились, да и изготовлено все поточно, кое-как. Ничего, мы не привередливые.

Одевшись, я взял паспорт, часть денег (не клади все яйца в одну корзину), положил во внутренний карман пиджака. Ах да, запоры... Запоры в квартирке были примитивные, механические, и открывались примитивным же ключом. Чисто начало двадцатого века!

Заперев дверь, я стал спускаться по лестнице. В доме был и подъёмник, но он ни видом, ни звуком, ни запахом доверия не вызывал. Лестница, впрочем, не далеко от подъёмника ушла по части вида и запаха, но в ней застрять было сложнее. К тому же, спускаясь по лестнице, я проверял, насколько владею телом, и что следует изменить.

Спустившись на пять этажей, я прошел уже через совсем грязный подъезд и вышел во двор. Да, бензин. И скверный бензин используют местные мобили.

Во дворе на лавочках вокруг разбитого стола сидели двое мужчин и три дамы. Пили и закусывали.

Один из мужчин привстал, махнул рукой и крикнул:
– Эй, Леонидыч, возьми-ка пивка да присоединяйся! Ви-

дишь, дама простаивает!

Крикнул неискренне, фальшь чувствовалась на расстоянии. Ни я его не интересовал, ни дама, да и на пиво надежд он не возлагал. Его возглас – крик одинокой души, хотя за столом он был сам-пятый.

Я ответил отчетливо, но не громко:

– Не до пива мне сейчас, сам знаешь.

И не обидно, и достойно. Кричавший понимающе кивнул и вернулся к прежним занятиям.

Я кричавшего не помнил. Не выдала его мне кратковременная память. Значит, чисто вошел в тело, не застал ни хозяина, ни то, что после хозяина обыкновенно остаётся – ненужные воспоминания, например. Впрочем, возможно, во время экстренного лечения я их, воспоминания, инкапсулировал. Разберусь.

Арка двора пропахла мочой, местами виднелось и говнецо. С аутсайдерами это случается.

Улица обдала вечерним зноем и запахами старого города, преобладающими из которых были запахи работающих автомобилей. В начале прошлого века их называли автомобилями, подчёркивая, что они двигаются сами, без помощи лошади. Сейчас испытываются автомобили в подлинном смысле слова, перемещающиеся без контроля человека. Но таких я здесь не заметил. Не до того было. Я разглядывал людей. Если и были у меня сомнения насчет селения аутсайдеров, то они стремительно испарялись. Никогда я не видел столь

много напуганных и озлобленных людей. Уродство, дефекты тела – пустое, всё это можно легко исправить, в принципе, на это можно и внимания-то не обращать. Но вот дефекты сознания... Люди двигались так, словно ожидали, что в любую секунду их оскорбят, унизят, ограбят или даже убьют. Не обязательно, но возможно. И потому одни старались слиться со всеми, другие напускали на себя грозный вид, мол, мы сами кого хочешь закопаем, третьи снимали тревогу пивом, водкой или иными суррогатами уверенности. Матери крепко держали детей и кричали на них по малейшему поводу и даже без повода. Со стороны трех-четырех прохожих (трех – точно, четвертого я увидел на мгновение в окне мобиля, и ручаться не могу) я заметил интерес к детям особого свойства. Не зря нервничают мамочки, совсем не зря.

Встречались и побирушки, калеки и нет, иные просто валялись на траве, на тротуаре, в грязи и моче, но люди обходили их, как предмет уличного искусства, привычный до незаметности.

Я прошел несколько кварталов. Поселению не было конца и края. Масса рекламы, стилизованной под атлантидов – на латинице, призывающая купить товары давно забытых фирм. Может, это карнавал здесь такой? И пьянь пристенная – талантливые артисты? Не бывает так много талантов. Другое дело, если меня срикошетило в поселение атлантидов. У них аутсайдерам много больше воли дают – до определенной черты, конечно. Но почему кругом – уличный русский сере-

дины прошлого века со смешными вкраплениями? Колония потомков эмигрантов?

Зашёл, наконец, в продуктовый распределитель, Раз туда идет большинство, авось и мне по средствам будет.

Я не ошибся – продуктов было много. На любой вкус и достаток. Правда, самое поверхностное знакомство с представленными яствами разочаровывало: суррогаты, усилители вкуса, в общем, больше видимости, нежели еды.

Я выбрал морскую рыбу – она даст мне белки и жиры. Гречку и рис – углеводы. И морскую капусту – витамины плюс минералы. Добрый кусок сала – энергия превращения и НЗ.

Расплатился. Денег достало, но надолго похоронного капитала мне не хватит. Рассиживаться некогда.

Я вышел иным путем, чем зашел. В другую дверь. Вышел и замер.

– Чё обмер, мужик? Вышки не видел? – весьма добродушно подвинул меня следующий выходящий.

В том-то и дело, что видел. И не раз. Останкинскую телевышку узнаю моментально. Вот и сейчас узнал. Но трудно смириться с тем, что этот город аутсайдеров и есть Москва две тысячи пятнадцатого года.

Обратный путь я проделал быстрее и строже. Меньше смотрел, больше видел. Да, тут две Москвы. Химера. Или так: Москву и Атлантиду сшили на живую нитку. Или на мёртвую, как творение доктора Франкенштейна. Сшили,

окропили мёртвой водой, чтобы покрепче срослось, а потом живой, да ещё подключили к мощной электростанции для гарантии. И вот она, химера, живёхонька.

Да, нравилась мне эта Москва или нет, но в том, что город живёт – сомнений не было.

Но слишком уж сурово живёт. Будни джунглей.

До жилища я дошел без новых открытий. Хватило и того, что узнал. В кастрюле на электрический плите стал варить рис. В микроволновой печи – рыбу.

И поехали.

Прогулка дала мне немало сведений о том, как ведёт себя тело. Следовало исправить дефекты и улучшить функциональность. Но больше всего требовалось навести порядка в голове. Поднять эффективность мышления на уровень новых задач. С запасом. Потому что новые задачи будут сложные. Очень сложные.

Эндостроение – дело серьёзное и требующее всецелого внимания, чтобы не пришлось раз за разом исправлять и перестраивать. И, как ни хотелось мне ознакомиться с книгами, которых у Виктора Брончина была метровая полка, разобраться с информационными аппаратами, я отложил это. Сначала адаптация тела под себя. Потому я ел, пил и перестраивался. И так трое суток с небольшими перерывами на контрольные упражнения. Сон – это тоже контрольное упражнение.

Через три дня меня бы взяли если не в космонавты, то в туристский поход наверное, причем в поход повышенной сложности. Стометровку за девять секунд не пробегу, даже за десять не пробегу, а вот за десять с половиной – без сомнений. И, что важнее, мозг заработал почти нормально. Сейчас признаки Москвы я узнавал влёт, даже по первым словам прохожих. Да, Москвы. Уж срикошетило, так срикошетило... Рикошет века. Меня перебросило не через пространство, как ожидалось, не через время, как шёпотом предсказывали некоторые оголтелые теоретики. Я оказался в иной реальности. И год тот же – две тысячи пятнадцатый по григорианскому счислению. И город – Москва. Но и годы другие, и город, и люди.

Набрав начальный интеллектуально-физический минимум, я приступил к сбору информации. Прежде всего – Виктор Леонидович Брончин. Будем считать, что на неопределенное время это я. Что я о себе узнал? Возраст – тридцать лет. Единственный сын, отец – генерал, мать – врач. Родители погибли три года назад в автомобильной катастрофе (раз принято употреблять слово «автомобили» – так тому и быть). Сам служил в мотопехоте, капитан. Во время выполнения боевого задания, как раз в год гибели родителей, был ранен, контужен и комиссован начисто. На днях прошел

медкомиссию, которая подтвердила – российской армии капитан Брончин не нужен. Женат на Анжелике Юрьевне Поповой, брак с которой распался полтора года назад. Детей в браке нет. Квартиру, доставшуюся от родителей, хорошую, в замечательном месте, разменяли так: квартира остается жене, а ему, то есть мне, Виктору Брончину, снята квартирка поменьше, однокомнатная. Та, в которой я и нахожусь. Разумеется, снята на время, пока в хорошем районе выстроят новый дом, где с большой скидкой, но вперёд и было уплачено за мою будущую квартиру. Такая вот мена. Деньги нашла Анжелика – через своего хорошего друга Игоря Парпарлина (вот и Игорю место в мозаике нашлось). Правда, недавно выяснилось, что с жильём вышла неувязка: не то, что в срок его не сдадут, а и вовсе неизвестно когда: что-то с документацией оказалось не в порядке, бывшая мэрия (здесь не советы, а мэрии) неправильное разрешение выдала, и стройку очень быстро заморозили, практически на нулевом этапе. Деньги вернуть нельзя, всё потрачено на первоначальные расходы, и остаётся впредь быть умнее – такой совет дал юрисконсульт общественной приемной председателя партии власти. Рекомендуются подать на компанию в суд. Компания, правда, ликвидирована, но это временные недостатки. Главное – торжество правосудия.

Я повнимательнее присмотрелся к истории болезни Брончина, поскольку это интересовало меня больше, чем жильё: собственно, Брончин и был моим жильём. Ага... Дом был

взорван, и капитан Брончин оставался под завалом шесть дней. Попал удачно, остался жив, однако с той поры один-два раза в неделю стали наблюдаться эпилептоидные припадки. Обследование в госпитале обнаружило последствия ушиба головного мозга, но и только. Офицер-эпилептик, дважды в неделю дающий большие припадки – нонсенс, пришлось с армией расстаться.

Что ж, нужно будет особо обратить внимание на голову. В процессе адаптации тела я грубой патологии не выявил. Впрочем, эпилепсия – штука сложная, тут играет роль не только мозг, но и разум. А разум у Брончина мой. Всё равно нужно поработать углублённо.

Теперь деньги. Ага, тут не так и плохо: Брончину назначили пособие, жил он скромно, и у него скопилась небольшая сумма помимо похоронной. Её он завещал общественной ветеринарной лечебнице, в которой и сам работал волонтером последние месяцы. Придется лечебнице подождать, поскольку Брончин числится живым, а живому деньги нужны.

Деньги были на карточке, безналичный расчёт, столь распространённый у атлантидов, дошел и сюда. К карточке полагался пароль. Где может держать пароль человек, два раза в неделю страдающий эпилептическим припадком?

Искал я недолго: в популярной медэнциклопедии на странице «эпилепсия» нашел четырехзначное число. Вероятно, оно и есть пароль.

Интересовался Брончин всем понемножку: в квартире я

нашел около полусотни книг. Из беллетристики лишь «Война и мир» и томик Лермонтова. Дюжина книг по истории – от «Наполеона» Тарле до неизвестных мне авторов. Толстая книга «Самоучитель работы на компьютере» – это, как я понял, о небольшой ЭВМ, что стояла на письменном столе. Экономика, социология, философия, такой вот набор. Больше других мне глянулась «Современная история от Владимира Ильича до Владимира Владимировича».

Её я и начал читать. Читаю я быстро. Даже сейчас, когда доводка тела и мозга прошла лишь предварительную ступень, пятисотстраничную книгу я одолел за час. Одолел – значит, могу сдать по ней экзамен самому придирчивому профессору, если такой вдруг объявится.

Но она, книга, меня ошеломила ещё более, нежели вид Останкинской вышки над городом.

Значит, так. Россия этого мира – второстепенная страна. Потеряла большую часть и населения, и территорий. Без войн, без катастроф, а так... как бы случайно. Собрались и решили, хватит быть впереди планеты всей, время стать прахом. И сейчас страна пытается копировать мир атлантических, и, как всякий второсортный копиист, копирует не суть, а признаки.

Но это полдела. Мир сдвинулся задолго до этого. Трудно, просто невозможно представить, но сейчас, в две тысячи пятнадцатом году, нет ни лунных городов, ни марсианских колоний, ни поселений на спутниках Больших Планет! Люди

по-прежнему летают и летают вокруг Земли, летают десятилетиями – как слепая цирковая лошадь, только и умеющая скакать по арене. Всё те же химические двигатели, водород плюс кислород, а то и гептил плюс амил. Ядерные, волновые, гравитационные двигатели – либо в теории, либо их вообще не знают. И бесчисленные мобили, заполонившие улицы, используют двигатель внутреннего сгорания или, в лучшем случае, дизель. Улучшения были достигнуты преимущественно в первой половине прошлого века, далее эстафету перехватили модники: желтый кузов или фиолетовый, угловатый или покатый. Нет, какие-то улучшения появлялись, но это были улучшения внутри системы. На два процента экономии каучука, на полтора – краски.

Еще печальнее дело обстояло со здоровьем. Биологической революции не случилось. Эндобиология неведома. Человек здесь живет восемьдесят, хорошо – девяносто лет, а в России так и шестьдесят, и то с помощью статистики. От рака по-прежнему умирают, а зубы лечат сверлением и пломбировкой. Об управляемой перестройке организма не ведают. И так куда ни кинь.

Где-то, когда-то этот мир свернул на тропу, ведущую в болотце. Куда, похоже, и пришел. Где и когда – с налета, по одной книжке не скажешь. Взять хоть космос: у нас первый полет состоялся в шестидесятом, летел Неделин. Здесь – в шестьдесят первом, Гагарин. На Луну у нас первым высадился как раз Гагарин, в шестьдесят пятом. Здесь первенство-

вали атлантиды, Армстронг и Олдрин в шестьдесят девятом. На Марсе уже на корабле с ядерным двигателем первыми побывал экипаж Титова в семьдесят первом. Здесь же дальше Луны вообще не летали, да и на Луну летать перестали очень быстро.

Или вот: в этом мире война с Германией длилась не четыре месяца, а четыре года. И не было ноябрьского, сорок пятого года, пленума партии, на котором Сталин подал в отставку с тем, чтобы остаток жизни провести в неизвестном селении. Не в этом ли причина? Или вот близкое мне: открытие Арденне и Лысенко о возможности управляемой перестройки организма в этом мире не в сорок четвертом году случилось, а, похоже, осталось неведомым!

Хотя я понимал: книга не абсолютная истина. Что-то могли исказить намеренно, что-то случайно, а, главное, девяносто девять целых процента, да к ним ещё девятьсот девяносто девять тысячных остались за пределами книги просто в силу того, что нельзя объять необъятное. К тому же никто ни в моём мире, то есть мире эндобиолога Артёма Краснова, ни в мире офицера-инвалида Виктора Брончина государственную тайну не отменял. Возможно, и летают на Марс, да держат в секрете. Почему? Не знаю. А вот эндобиологию могут хранить под спудом ради шкурных интересов. При определённом уровне общественных отношений очень весело жить по сто пятьдесят лет без серьёзных болезней, когда остальные едва доживают до шестидесяти. Далеко и ходить не нуж-

но, пример вот он, из этого мира: в Норвегии живут на двадцать лет дольше, если не на двадцать пять, однако никто в набат не бьёт и догнать и перегнать Норвегию по продолжительности жизни не пытается. Власть приучила народ довольствоваться малым. Но всё же, всё же... У эндобиологического регулирования есть и другая сторона: заметно больший расход пищи. Я за три дня эндостроительства израсходовал двухнедельную норму еды среднестатистического аутсайдера. Да и потом, то одно, то другое, один любит бегать кроссы, другой лазить по горам, – и вместо двух, двух с половиной тысяч килокалорий тратятся восемь – и это в среднем. Во время похода среднего уровня много больше, ведь это так здоров – неумоимо идти час за часом, соревнуясь с волками. А этот мир и так живет впроголодь. Эрзац-продукты, колбаса из свиной щетины, сыр из пальмового масла... Эндобиология и из соевого творога извлечёт необходимое, но соевого творога понадобится куда больше, нежели натурального. А на планете Виктора Брончина живут семь миллиардов человек, а не три с половиной, как на моей. Вот и решай, давать ли людям эндобиологию? Вдруг каждый станет чудищем, беоульфом, готовым биться за пропитание до последней капли крови, своей, а лучше чужой? Или оставить ее, эндобиологию, для избранных?

Конечно, развиваясь келейно, эндобиология будет отставать, но от кого отставать? От мира Артема Краснова? О чём не знаю, то не болит.

Внутренний наблюдатель никакого отставания не заметит, разве что удивится: как это вожди, при всех нагрузках и излишествах умудряются жить куда дольше, чем ведущий простую, здоровую жизнь, народ?

Ладно. Это теории. Что делать на практике? Делать-то что?

Вернуться в свой мир? Не вижу пути. Вопросы перемещения, похоже, здесь не занимаются. Во всяком случае, на достойном упоминания уровне. А если бы и занимались?

Ведь меня забросило сюда по причине, мне неизвестной. Что вызвало рикошет? Случайная сверхчастица из далекой галактики оказалась в неподходящее время в неподходящем месте? Миллион предположений, и ни одно гроша ломаного не стоит, поскольку в процессе перемещения я не творец, а подопытный. Спросите собачку Чернушку, первой облетевшую Луну, в чём причина того, что космоплан сел не на штатный космодром в Сальске, а на запасной, воронежский. Сосиски в Воронеже вкуснее, решит Чернушка.

Я та же Чернушка. Только собачку встретили знающие люди, извлекли из аппарата, накормили, напоили, а мне приходится всё самому.

Вот и сейчас я сам должен идти в магазин. Оделся перед зеркалом. В процессе перестройки из размеров старался не выходить, разве удлинил ноги на пару сантиметров и руки на столько же. Лицо сделал чуть более классическим – но не настолько, чтобы нельзя было узнать по паспорту. Мускула-

туру особо не наращивал, скорее, сделал ее более функциональной. Не новые мышцы придумал, разумеется, а прежние перестроил, теперь они способны к действию в форсированных режимах. И костяк кое-где поправил, а то болезни дались Виктору Брончину нелегко. В целом против прежнего прибавил три сантиметра. Если не вглядываться, не очень и заметно. А если вглядываться – осанку исправил и обувь обновил, каблук потолще взял.

Основная перестройка – она внутри.

По лестнице спустился бегом. Опорно-двигательная система работает без нареканий. Быстрым шагом пересек двор. Никто не позвал, да куда особенно звать, если дождь? Быстрым же шагом дошел до распределителя, гипермаркета помещному. Купил необходимое, двенадцать килограммов. Быстро вернулся назад. По лестнице не бежал, но шёл быстро.

А дверь-то и открыта. Кто-то побывал незваным. Или до сей поры незваным пребывает.

Я вошел, положил сумки на пол.

– А, жилец явился! Ты заходи, заходи, не стесняйся – слышалось из комнаты. Говорили громко, уверенно.

Я и зашел.

В комнате находились трое. Один постарше, лет пятидесяти, и двое помоложе, двадцать пять и тридцать лет. Те, кто помоложе – крепкие, с виду неприятные. А постарше улыбался, как любимому племяннику.

– Не узнаешь?

– Простите, нет.

– Да и не должен, ты ж меня не видел. Я хозяин этой квартиры.

– Очень приятно, а вошли-то вы как? Замки-то я менял – я не знал точно, но, полагаю, такой дотошный человек, как Брончин, на время аренды замки бы сменил непременно.

– Да? А я и не заметил. Да разве теперь замки, слушай? Только название одно, а открываются одним ключом. Ты чего стоишь, садись!

Садиться было некуда. За письменным столом сидел назвавшийся хозяином квартиры, на втором стуле молодец постарше, а больше стульев в комнате не было, и потому молодой сидел на диване. Что ж, сразу ясно, кто в доме хозяин.

– Я постою... пока, – ответил я.

– Как хочешь. Мне говорили, ты болеешь, тяжело болеешь. Умирать, говорили, собрался.

– Я выздоровел.

– Выглядишь хорошо, – он с любопытством осмотрел меня. – А я забеспокоился. Нехорошо, если в квартире умирает кто-то, особенно посторонний.

– Я себе не посторонний.

– А мне? Вот я и испугался, понимаешь. Теперь вижу, ошибся. Сразу, знаешь, легче на душе.

– Рад за вас.

– Ты за себя радуйся. Я тебе жилье нашел.

– У меня есть жилье.

– Было, – поправил он меня. – Сейчас я его продаю. Деньги нужны. А покупатель капризный, сразу въехать хочет, пожить, а уж потом платить. Капризный, но хорошую цену даёт. И потому тебе придется выехать раньше времени. Да что раньше, ерунда, у тебя месяц остался по договору.

– Сорок три дня – уточнил я.

– Вот видишь! – обрадовался хозяин. – Ты уже волнуешься, дни считаешь, разве это жизнь? А я тебе место нашел – лучше не бываешь. У человека дом есть, так ты в этом доме жить будешь. Ничего платить не нужно, только за домом присматривать и кое-какую работёнку выполнять.

– И где этот дом?

– Замечательное место! Заповедник! Там посёлок организован, небольшой. Люди не то, чтобы очень богатые, но и не бедные. У того человека будешь жить даром, а подрадишься еще два дома обихаживать – вот тебе и деньги!

– А где заповедник?

– Да рядом совсем, под Заокском.

– Тульская область?

– Ну видишь, какое здоровье хорошее! Все голова помнит!

– Спасибо за заботу, конечно, но нет. Я уж как-нибудь здесь.

– Ты не понял, – огорчился хозяин. – Здесь нельзя. Здесь завтра другой человек жить будет.

– Вообще-то я имел в виду Москву, – ответил я. Ну, насчет человека – в договоре написано, что досрочное расторжение возможно лишь по согласию обеих сторон. Моя сторона не согласная.

– Зря это ты. Я ведь с тобой по-хорошему. Вижу – человек чистый, опрятный, квартиру за год ничуть не испортил, не насвинячил, не то, что некоторые. Вот и предложил. А там – как знаешь, конечно. Можешь в суд подавать. Только вещи свои забирай и уходи. Прямо сейчас. Если что, ребята помогут – он кивнул на молодцев. Те встали – да, да, дорогой, мы поможем!

– А если не уйду?

– Шутишь, да? Ты, вообще, кто?

– Кто?

– Ты – лицо с временной регистрацией. Приезжий. И вот приезжий начинает буянить, квартиру не освобождает, уважаемых людей обижает. Коренных москвичей.

Парни заржали.

– Ты на них внимания не обращай, это не они смеются. Это судьба смеется. Так уж получилось. Ты теперь в Москве никто. Паспорт свой посмотри, если не веришь. Начнешь буянить, драться, тебя в милицию, то есть в полицию заберут. Ненадолго, дня на два, на три. Ты вернешься, а здесь люди живут. Вещи твои, понятно, выброшены. Деньги, если какие есть, в ментовке отберут, а каких нет, так их нет. И к кому ты пойдешь за помощью в Москве? В чем твоя выгода, кроме

синяков да шишек, если, конечно, дело обойдется синяками и шишками?

Насчет паспорта он верно сказал. Мне смотреть не нужно, помню. Правда, что такое «временная регистрация» я тогда не понял. Я и сейчас не знаю, что это такое. Догадываюсь только – ничего хорошего.

– Ну, к кому я пойду – мое дело. Да вот хоть к Игорю – пустил я пробный зонд. Лицо хозяина дрогнуло: Игоря он определенно знал, и ему определенно не нравилось, что я связываю Игоря с ним. – Да и кроме Игоря есть к кому. Так что не беспокойся, если, конечно, ты беспокоишься. С квартиры я съеду в срок, и, если будет все хорошо, оставлю ее такой же чистой и опрятной. А шишками и синяками меня разве запугаешь? Я что, трусливый? Так обо мне говорят?

– О тебе говорят, что ты на голову больной. Вижу, правду говорят – но я видел, что спокойствие хозяина – да и хозяина ли? – напускное.

– А больше ничего? Значит, тебя обманули. Подставили. Сказали – инвалид, его чуть тряхнешь, и он твой. А то и трясти не придется. Верно?

Хозяин не ответил, но по лицу ясно было – всё верно, так и сказали.

– И если сейчас в квартире будут три трупа, мне, конечно, придется не сладко. Совсем не сладко. Пусть я чья-то проблема. Упекут меня в тюрьму, в психушку – и проблемы нет. Но твоя-то выгода в чём будет? Убит помешавшимся на

войне капитаном, инвалидом по психическому заболеванию. Мне плохо, тебе совсем никак, но кому-то хорошо, разве не так? За твой счет хорошо! О твоих парнях не говорю, они жизни не знают и вряд ли узнают. Расходники. Но ты-то – умный, у тебя-то впереди много чего...

Хозяин думал напряженно. Пот катил по лицу.

– Давай, мы его – начал один из молодцев, но хозяин оборвал его на полуслове – не по-русски.

– Не знаю, о чем ты говоришь, – сказал наконец хозяин. – Ничего плохого я тебе не хотел. Просто попросил. Не хочешь уезжать – как хочешь. Я тебя выгонять не буду – он выделил это «я». – Что мне, месяца жалко, что ли. Ты ж заплатил. Или за тебя заплатили, да? Мы сейчас уйдем. И мы этот месяц тебя беспокоить не будем, – на этот раз он выделил «мы». – А там сам решай, где тебе лучше.

Он поднялся и вышел. Молодцы последовали за ним.

Хозяин говорил искренне. Сейчас, в эту минуту он совершенно не хотел рисковать ни своей жизнью, ни своим здоровьем. Парни у него крепкие, но кто знает, на что способен боевой офицер с психической болезнью? Эпилепсия – это не только пена изо рта и судороги, эпилепсия разная бывает. О берсерках, думаю, и в этом мире знают. Хотя вряд ли сегодняшние визитеры. Но и они жить хотят. Не молодцы, тем жизнь и своя, и чужая – копейка, но старший, хозяин? Мало ли, вдруг у меня выкидной нож в кармане? Нет, лезть на рожон хозяину смысла нет.

Другое дело, что его могут и не спросить. Если он не хозяин, а сержант. Прикажут, и куда тот денется? Возьмёт не пару молодчиков, а пяток. С дубинками, ножами, что там ещё принято в мире Виктора Брончина. Эндобиология – штука хорошая, но пять вооруженных молодцев – величина отнюдь не пренебрежимо малая. Хотя... Нет, я ни разу не мастер рукопашного боя. Я – эндобиолог.

А стать эндобиологом трудно. И способности нужны, желательно врожденные, и талант, и труд. Чтобы активно менять внутреннюю среду, вот как я сейчас, требуются годы подготовки и пожизненная ежедневная практика. Потому большинство людей ограничиваются лишь трехсотчасовым курсом эндобиологии. По аналогии – это арифметика начальной школы к высшей математике хорошего университета. Но большинству хватает арифметики. Чтобы люди шли в математики, нужно их завлечь. Вот мы и завлекаем. Демонстрируем на днях открытых дверей всякие трюки – пробегаем стометровку за девять секунд, а в образе так и за семь. Ловим стрелы на лету. Сидим под водой по четверть часа. Преобразуемся в берсерков и устраиваем показательные бои. Поучитесь, попрактикуете лет пятнадцать – и вы будете такими.

Про войну с атлантидами – отдельно.

Идут многие, в двенадцать лет каждому хочется быть легендарным героем, но через год отсеиваются девяносто пять человек из ста.

Интересно другое: кому, собственно, так не терпится выселить меня из этой простенькой квартирki в более чем неприглядном доме? Куш – арендная плата за сорок два дня, уплаченная вперед? Нет, судя по газетам, а их я прочитал дюжину, здесь и за куда меньшие суммы пропадают люди, но хозяин, насколько я могу судить, человек расчетливый. И ради того, чтобы получить квартиру месяцем раньше оговоренного и уже оплаченного, на серьезное дело идти не станет. Что в этой квартирке необыкновенного? Бриллианты мадам Петуховой? Так их могли бы забрать и в мое отсутствие, и в моем присутствии.

Нет, единственно, что отличало эту квартиру из сотен квартир этого дома и тысяч этого квартала – то, что в ней жил я. Во мне и причина. Любопытно лишь, какой я: Виктор Брончин или Артём Краснов?

До рассвета оставалось немного. Столько, сколько нужно.

Они проехали аллеей, остановились у цветника, некогда роскошного, а сейчас даже в плоских лучах маскировочных фар пугающего мерзостью запустения.

Фонарь не светил. Во всем парке не наберётся и дюжины исправных фонарей, а уж здесь, у цветника, их не было вообще.

Но им как раз такой и был нужен.

Они вытащили приговорённого из багажника, усадили у фонаря.

Настя забросила верёвку на перекладину. Семён надел приговорённому маску, расправил её, потом затянул петлю вокруг шеи – всё быстро, но чётко. На грудь бедолаге повесил фанерку. Затем они вдвоём подтянули приговорённого так, чтобы ноги болтались на высоте полуметра от земли. Приговорённый превратился в висельника. Настя за три минуты собрала из невинных деталей взрывконструкцию и прикрепила скотчем к ногам недвижимого тела. Выглядела взрывконструкция внушительно, всякий поймёт, когда увидит. Увидит не сейчас, а когда народ пойдёт через Парк к первому трамваю, чтобы ехать на Заречный рынок.

Отошли. Настя сделала снимок – один, хватит. Нечего зря светиться.

Они вернулись в машину. За руль сел Семён: если попадётся полиция, меньше шансов, что их запомнят. Впрочем, это было не так уж важно.

Важно было совсем другое.

*

Леонид гулял по Парку неспешно. Второй день отпуска, куда спешить? Ни в Сочи, ни в Крым, ни куда-нибудь ещё он не собирался. Средства не позволяли. А домашний отпуск предлагал развлечений немного: прогулки с Бэрримором, да бутылку пива после заката. Пиво, впрочем, можно было выпить и раньше, хоть утром, но тогда день вообще терял смысл. Были, конечно, разные мелочи вроде игры в шахматы с соседом по балкону, военным пенсионером Александром Александровичем, можно ещё посмотреть кино, почитать книгу, но это действительно мелочи. Как-то не игралось, не смотрелось и не читалось. И потому следовало получать максимальное удовольствие от того, что имелось. Например, от утренней прогулки. Пять пятьдесят пять, людей в парке очень мало, никто не ворчит, что развели-де собак, шагу ступить некуда, и нужно бы всех собак, а заодно и хозяев расстрелять или хотя бы отравить.

Бэрримор, чёрный терьер, сновал по тропинкам с видом чрезвычайно занятым. То обнюхивал старые пни, то лаял на деревья, то нескромно заглядывал в кусты, где, по летнему времени, порой ночевали бездомные, укрываясь кто картошкой, кто пиджачком, а кто и ничем не укрывался.

Ранний час Леонида не тяготил: отпуск, не отпуск, он любил вставать на рассвете. Ему, Леониду, и в пять выйти было бы не сложно, но не стоило ломать привычки Бэрримора: собака любит установленный порядок, а любые отклонения от него воспринимает, словно революцию. А революция – она кому как. Не всем на пользу. У Бэрримора есть хозяин, есть собачий корм (опять же, строго по рациону, чтобы не было неожиданностей), есть миска со свежей, отфильтрованной водой, есть противоблошиный ошейник от надежной фирмы, есть две прогулки в день, час утром и полтора вечером, чего же более?

Пёс забежал на аллею, ведущую к некогда красивому цветнику. Сейчас цветник пребывал в небрежении, но если утвердят план передачи Парка некоему закрытому акционерному обществу (название которого не разглашалось в интересах главы городской администрации), Парк ожидала коренная перестройка, вплоть до запрета пребывания в нём собак, бездомных личностей и просто горожан, не имеющих отношения к «жилому комплексу высокой элитности», который знающие люди прочили на место Парка.

Бэрримор залаял, и залаял в особой тональности. Сейчас это был лай, означающий «Внимание! Опасность!»

Леонид поспешил: вдруг кто-то угрожает собаке палкой, ножом, а то и пистолетом. Мимо цветника шла дорожка к остановке, и в это время народ уже тянулся к первому трамваю.

Действительно, народ был. Человек десять. Но они никуда не шли. Стояли и смотрели на фонарь. И Бэрримор лаял не на них, а на тот же фонарь. Вернее, на висящего на фонаре человека.

Удавленник? Три-четыре раза в год в Парке находили повешенных, которых после короткого следствия зачисляли в самоубийцы.

Подходить к удавленнику Леонид не торопился. Просто хотел приглядеться. Взяв Бэрримора на поводок, обошел фонарь кругом. Да уж: к ногам удавленника были привязаны динамитные шашки – во всяком случае, в кино их называют динамитными шашками. Или не динамитными, а тротильовыми? В общем, взрывчатка, она и есть взрывчатка. И часы – большой механический будильник поверх шашек взрывчатки на левой ноге.

Народ тоже не подходил близко. Кучковался в тридцати шагах, перешептывался, но громко говорить остерегался. Да и что тут скажешь? Главное – под взрыв не попасть.

Наконец, мужичок бывалого вида сказал:

– Если рванет, то и нас достанет. Лучше подальше отойти, побережься. Не ровён час...

Леонид послушался. И сам отошёл, и Бэрримора отвёл. Но прежде сделал несколько снимков на мобильник. Мобильник был неплохим, новым, подаренным Леониду на новый год взамен умершего от старости, и потому удавленник вышел ясно и четко. Отдельно он снял крупным планом ли-

цо, но тут уже оптика (или электроника?) обеспечить международный стандарт не могла. Впрочем, если не привередничать, всяк мог узнать удавленника: во время прошлых выборов в Думу плакатами с его изображением был обклеен весь город: «Губернатор поддерживает! Поддержи и ты!»

А теперь губернатор никого не поддерживал. Кого уж тут поддержишь, когда сам болтаешься в петле, а к ногам привязана взрывчатка с будильником?

– Ты бы, парень, полицию вызвал, что ли, – сказала ему женщина, стоявшая неподалеку.

– Аккумулятор разрядился, – ответил Леонид. – А у вас что, мобильного нет?

– Есть, как нет. Но тоже... Аккумулятор... И деньги на счету кончаются.

Похоже, у всех собравшихся были проблемы с мобильниками. Ничего удивительного: люди кругом занятые, а полиция звонившего непременно в свидетели запишет, и хорошо, если в свидетели. Не бродяжка висит, никому не нужна – губернатор! Полиции ведь задержать кого-то необходимо, хотя бы для отчёта, задержать и посадить. Потом, может, и разберутся, и выпустят, но то будет потом. К вечеру. Через неделю. Через год. А народу работать приходится. Деньги зарабатывать. С самого утра. Время пошло.

И народ начал потихоньку расходиться. К трамваю.

Пошёл и Леонид – просто подальше. «Осколки гранаты Ф-1 сохраняют поражающую силу на расстоянии до двухсот

метров» – вспомнилось из школьных уроков начальной военной подготовки. Насчёт самодельных взрывных устройств уверенности не было, но лучше перестраховаться.

Одни уходили, другие по той же тропинке приходили, и кто-то всё-таки позвонил в полицию. Из чувства долга, из сострадания, по глупости или право имел.

Леонид сидел на скамейке как раз в двухстах метрах от висельника, даже дальше. Подъехал полицейский уазик-луноход, потом полицейский «форд», затем фургон МЧС, затем фургон без опознавательных знаков. Из машин выходили люди, кто в форме, кто в штатском. Людей отогнали в сторону, подальше от места происшествия.

Леонид продолжал снимать – от пояса, незаметно. Видно, не он один – полицейский требовал прекратить съёмку, но требовал не у Леонида, который был далеко, а у столпившихся людей, грозя конфисковать мобильники. Впрочем, видимость была плохая – аллея, хоть и широкая, простора не давала.

Из фургона вышел сапёр: сфера на голове, щит в руках, на туловище бронежилет. Почти как тяжелый водолаз – так виделось Леониду со скамейки. Сапер медленно приближался к фонарю. Остальные укрылись за машинами, стоявшими если не в двухстах, то в ста метрах от фонаря с удавлением.

Сапёра отделяло от удавленника двадцать метров. Пятнадцать. Десять. Шел сапёр медленно – и тяжело, и по инструк-

ции спешка не положена. Верно, передавал по радио все детали. На всякий случай.

Когда сапёр приблизился на расстояние в два метра, раздался хлопок. Не шумный – во всяком случае, с расстояния в двести метров он не казался таким. Ноги губернатора занялись огнём, огонь перекинулся на туловище, лицо, руки.

Бомба оказалась зажигательной.

Верёвка тоже занялась, и через полминуты тело упало в траву.

Леонид решил, что с него довольно.

Встал, взял поводок, и повел Бэрримора прочь из Парка. Хватит, погуляли.

*

– В шесть пятнадцать на пульт дежурного по городу поступило сообщение о том, что в городском парке в районе цветника обнаружен объект без признаков жизни. Наряд полиции был у места происшествия в шесть двадцать две и подтвердил сообщение. Визуально удалось определить, что объект повешен за шею на фонарный столб и заминирован, потому к делу были привлечены специалисты из МЧС и особого отдела федеральной службы безопасности. После проведения соответствующих мероприятий в шесть пятьдесят сапер приблизился к объекту на расстояние два метра. В этот момент устройство сработало. Оно оказалось не взрывным, а зажигательным. Объект загорелся, и, несмотря на противодействие, значительная его часть оказалась поврежденной.

При детальном осмотре выяснилось, что в качестве объекта выступал манекен, загримированный человеком. Объект имел некоторое сходство с губернатором Великогваздовской области Товстюгой Андреем Николаевичем, что заставило принять меры, предусмотренные положением «Четыре А». Решается вопрос о возбуждении уголовного дела, – генерал Белоненко отложил лист бумаги, показывая, что всё необходимое уже сказано.

– А что тут решать? – делано удивился заместитель губернатора Слюнько, оставшийся на хозяйстве. – Такое на тормозах спускать никак нельзя.

– Решается вопрос, по какой статье будет возбуждено дело: хулиганство, экстремизм или покушение на жизнь государственного служащего.

– Хулиганкой тут не обойтись. Одно, если бы случай прошел тихо, а тут – Слюнько кивнул на монитор.

На мониторе было видно, что говорить о некотором сходстве с губернатором Товстюгой не приходится: сходство было велико настолько, что Слюнько только после звонка Андрею Николаевичу убедился, что висит на фонаре кукла. Десятки фотографий были размещены в Интернете, и удалить их оттуда никакой возможности не имелось: поскольку повешена была все-таки кукла, а не настоящий губернатор, положение «Четыре А» было введено с опозданием, и народишко успел переправить гнусные фотографий на самые разные сайты, в том числе и зарубежные.

– Но и покушение, вернее, умысел на покушение – слишком серьёзная статья, чтобы ее возбуждать второпях, не взвесив тщательно. Иначе может так повернуться, что сами пожалеем. Вернется Андрей Николаевич, мы с ним этот вопрос уточним, – сказал генерал.

Слюнько подумал, что уточнять, а правильное – решать будут там, в Москве. Подумал, но говорить не стал. Не его чучело повесили с фанеркой на груди «Убийца, насильник и вор», не ему и суетиться.

Остальные вообще помалкивали. Сидели, храня бесстрастное выражение лица, будто оно, бесстрастное выражение, было их главным достоянием.

Возможно, так и есть.

Лишь Мосоловский спросил:

– А что мы скажем прессе? Что она должна писать об этом?

– А ничего пока. Много чести – нам комментировать незначительное происшествие, – ответил Слюнько.

– Но ведь Интернет...

– Вот пусть в Интернете и остаётся. Интернет – не наш участок. А пресса – наш. Пусть денёк помолчит. А там решим.

Доклад генерала Белоненко завершил губернаторскую планёрку, и люди быстро разошлись: время дорого.

Когда Слюнько остался с генералом наедине, он спросил:

– Найдёте поганцев?

– Ищем.

– Это понятно. Найдёте?

– Мало следов. Почти никаких.

– Отпечатки пальцев? Камеры видеонаблюдения? Тесты ДНК?

Генерал с досадой подумал, что теперь все специалисты, все телевизор смотрят. Но вслух ответил:

– Отпечатков пальцев, пригодных к идентификации, на манекене нет – поверхность обгорела. То же и с биологическим материалом. Камер видеонаблюдения в Парке нет. На прилегающих к Парку улицах их более сорока, но работают едва ли десять. Материалы обрабатываются. У места происшествия нашли отпечатки протектора, но некоторые меняют протекторы чаще, чем носки. Да и найти сначала нужно автомобиль...

– Так что же, висяк? – спросил Слюнько, и лишь затем сообразил, насколько двусмысленно звучит выражение из телесериала применительно к случаю.

– Будем работать. Опрашивать возможных свидетелей, просматривать записи видеонаблюдения. Ждать новых событий.

– А они будут, новые события?

– Лучше бы не было, конечно, – ответил генерал, но всем видом показывал, что надежд на это мало.

– Что-то ваша служба совершенно не видна. И на первый взгляд, и на второй, и на все остальные.

– Кто-то новенький появился, – ответил генерал. – Пока не засветившийся.

– Ну, засветились-то они ярко, – Слюнько кивнул на монитор, где полыхал фальшивый губернатор.

– Потому и найдём. Кто лезет на рожон, плохо кончает. Всегда. Тут закавыка в другом: что с ними делать, когда найдем.

– Судить.

– Вот-вот. Может, им этого только и нужно, – генерал сложил листки в папку, поднялся. – На всякий случай, Степан Григорьевич, будьте осторожны.

– В смысле?

– Никуда в одиночку не ходите.

– Вы думаете...

– Бережёного Бог бережёт, знаете ли, – и генерал покинул кабинет.

Слюнько задумался. Он и не в одиночку давно никуда не ходил. Все машина, машина... Жена ему шагомер подарила, с намеком. Больше трех тысяч шагов в день никак не выходило. А врачи настаивали – десять. А то и давление, и живот растёт. Он специальную дорожку купил, тренажёр. Дома раскрыл окно настежь, включил дорожку, хочешь, шагай, хочешь – беги. И никого не встретишь. Да только на десять тысяч шагов ни времени не хватало, ни сил. Все силы тратятся здесь, на службе. Вот если бы он стал губернатором, то поставил бы дорожку прямо в комнате отдыха. Идешь по

дорожке, и обсуждаешь со своими важные дела.

Ага, станешь. Вот если бы Товстюгу и в самом деле кто-нибудь... Да только Андрей Николаевич сам кого хочешь и повесит, и спалит.

И Слюнько занялся делами повседневными.

Чем больше я размышлял, тем меньше мне нравилась ситуация. С учётом того, что она была скверной с самого начала, это не радовало. Один, в своей, но ставшей совсем чужой стране, да ещё странные люди непременно норовят сжить со света или, как минимум, из Москвы. Хотя кто знает, что стояло за предложением поработать бесплатным сторожем где-то в приокском заповеднике? Повезли бы меня на новое место работы, да не довезли. Сгинул бы на полпути. Одно дело – убить человека в городской квартире, да ещё если убийца – владелец квартиры. Сколько хлопот. Совсем другое – где-то в лесу. Исчез человек с временной регистрацией, так сколько их исчезает ежедневно? Молчит статистика.

Следовало уйти из-под непонятого внимания непонятных людей. Но уйти в спешке, торопясь, оставляя по пути нужное и ненужное, не хотелось. Может, бегства от меня и ждут. А что? Убийство – преступление, а тут человек сам убежал. Очень эффективно: минимум расходов, а результат есть.

Куда уйти? Куда угодно. Вот хоть в бродяги, которых на улице Москвы предостаточно. Их жизнь меня совершенно не страшила: раз уж я год прожил среди горилл, прожил натуральным образом, безо всяких продуктов цивилизации, то и тут, полагаю, выдержал бы. Хотя, конечно, бродяги не го-

риллы, с ними ухо держи остро. Но это я умел – держать ухо остро. И потому решил не паниковать. Действовать в своём ритме, который для любого врага – если у меня, конечно, есть враг, – будет неожиданностью, поскольку никто моего привычного ритма, моего «модуса операнди» здесь не знал и знать не мог. Вжиться в среду, выжить в среде и затем преобразовать среду на благо своё и всего человечества – так должно действовать всякому порядочному эндобиологу.

У меня лишь первый этап. И ждать, что сразу всё будет хорошо и приятно, было бы наивно до чрезвычайности. Живой – уже хорошо, а ведь попал-то я в умиравшее тело. Кстати, а так ли уж закономерно оно умирало, тело Виктора Брончина? Записки несостоявшегося (очень случайно несостоявшегося) самоубийцы я видел, но что именно довело его до подобного состояния? Да, здоровье неважное, но у миллионов людей, нет, у миллиардов оно ничуть не лучше. Да, проблемы с жильем, но опять же, у миллиардов оно не лучше. Жена ушла, Лика? Да, некоторые люди переживают вплоть до утраты рассудка. Возможно. Правда, Виктор Брончин, судя по тому, что я о нем знал, был человеком рассудительным. Хотя эпилепсия, она... Девять дней педантичный и рассудительный, а на десятый – наоборот, и десятикратно наоборот. Но Лика – зацепка. А другая зацепка – некий Игорь, которым Лика мне то ли пригрозила, то ли пристыдила. И вчерашний... назвавшийся хозяином квартиры, сокращенно Нахок, тоже на Игоря среагировал, хоть и косвенно. Итак,

Игорь Парпарлин, кто ты? Где ты?

За те дни, что я перестраивал тело, удалось кое-что узнать и об окружающем мире. Сами жители называют его «информационным обществом». Электронно-вычислительные агрегаты здесь развиты на удивление. Даже у Виктора Брончина, человека, по местным меркам, далеко не самого важного, точнее, человека маленького, был небольшой вычислительный модуль, возможностями своими равный комплексу крупной лаборатории. Очень крупной. А уж иметь подобное в личном пользовании мне статус не позволял. У меня был поисково-информационный комплекс, но производительностью он уступал комплексу Брончина на три порядка. Если не больше. С другой стороны, возможности эти использовались странно. Будто скрипку Страдивари дали деревенскому музыканту, только и умеющему играть три незатейливые мелодии на танцульках.

Как бы там ни было, модуль Брончина (здесь он зовётся «нетбуком») осуществлял доступ к информационным ресурсам страны, а то и планеты, имевшей сетевую структуру, на языке атлантидов – Интернет. Повозившись пару часов, я решил, что далеко не ко всем информационным ресурсам, а лишь специально на то подряжённым. Они, ресурсы, зачастую не сколько информировали, сколько целенаправленно вводили в заблуждение. По большому счёту сеть обеспечивала продвижение товаров и идей. Собственно, иного ожидать от атлантидов было бы странно. Однако пользоваться

приходится тем, что есть, а не тем, чего только желаешь. В сети были сведения о президенте (Россия – президентское государство, наподобие стран атлантидов), – то есть о его фамилии, имени, отчестве, но почему он стал президентом, какие силы стоят за ним, поддерживают и питают – тут начался информационный туман.

Но мне сейчас было не до президента. Я попытался отыскать сведения об Игоре Парпарлине.

И ничего не нашёл.

Для данного общества это было нехарактерно. Любой, даже школьник, стремился поведать миру, что есть на белом свете такой вот Петр Иванович Добчинский. Школярские откровения составляли значительную часть информационного содержания сети. А уж каждая частная лавочка, каждый деловой человек заявлял о себе почти всегда, в надежде заполучить потребителя. На что ж тогда и сеть, если не ловить мух?

С другой стороны, в деловом мире он мог быть известным не под собственным именем, а под корпоративным. Компания «Вседлявасзавашиденьги» или «Деньгивашибудутнаши» могла и быть Игорем Парпарлиным. Или не быть. Для чистоты эксперимента я искал Виктора Брончина. Ничего не нашёл. Чему не удивился. В моем представлении Брончин не был ни частным предпринимателем, ни изнывающим от скуки человеком.

Кем Брончин не был, я представлял всё отчетливее. Но

кем он был?

Все документы Брончина были мною припрятаны еще в первый день. Паспорт и пенсионное удостоверение я держал при себе – в этой Москве без документов неудобно, а остальное положил в укромное место. Какое в квартирке укромное место? А я не в квартирке.

А то утащили бы Наход с молодцами документы – вживание в среду усложнилось бы.

Но нет, не утащили. Хотя и искали – мелкие детали указывали на то.

Вернусь к Игорю Парпарлину. Если о нём говорила Ангелика, то у нее я и узнаю подробности. Не сейчас, попозже.

Сейчас нужно поесть, подстроиться и немного отдохнуть.

На замки я и прежде не очень рассчитывал, сейчас же, зная, как легко они сдаются, просто сделал вывод. Положил поблизости пару предметов, которые формально оружием никак не являются, но при случае могут выручить.

Потом приготовил рыбу и рис. Нет, в принципе, всё можно есть сырым, как среди горилл, но это требует дополнительных ресурсов. Сейчас же ресурсы мне нужны были для иных задач.

Спал я по-волчьи, вполглаза. Слышал шумы далёкие и близкие, но непосредственно ко мне не относящиеся. Никто не подходил к двери, не говоря уж о попытке открыть. Значит, Наход держит слово. Или случай вовсе не столь серьёзный, как мне представлялось вечером.

Утро вообще большой оптимист. Многое решается легко и просто. Именно потому всякие важные дела – военные советы или заседания чрезвычайных комиссий – переносили на вечер. Чтобы не прельщаться утренней простотой.

Адрес Анжелики был в бумагах Брончина. То есть адрес его родителей. Но мне он ничего не подсказывал. Никаких намеков и полунамеков. Хотя я, как москвич, представлял и где находится Кутузовский проспект, и где на проспекте находится искомый дом. В этом доме некогда жил некий Брежнев – лидер страны Брончина, правивший долго и счастливо. Я ничего о Брежневе моего мира не знал, чья в том вина, Леонида Брежнева или Артёма Краснова, трудно сказать. Ах да, был лесничий Леонид Брежнев в заповеднике Аскания Нова, и по годам подходил, в две тысячи десятом ему было аккурат сто четыре года. Я помогал лесничему пройти несколько эндобиологических сеансов. Дивные были деньки – лесничий знал множество историй и баек, и охотно рассказывал их.

Собрал самое нужное в чемодан – и в камеру хранения вокзала. На всякий случай. А уж от вокзала – на встречу.

Я ехал в вагоне метрополитена. Всяк был обращен к себе: кто читал, кто слушал музыку из вставленных в уши электронных затычек, кто дремал, добирая недоспанное. Активными были двое, оба под действием химических возбудителей: это ощущалось даже по запаху. Люди с неоптимизированным обонянием довольствовались дикой речью и да-

же воплями. Никто внимания не обращал – или старался не обращать. Так принято – здесь и сейчас. Я начал думать, что лучше – вывихнуть дуралею руку, можно даже две, или шлепнуть по уху – таким шлепком, чтобы звенело неделю? Видно, возбудители эти обостряли восприятие, потому что один из пары сказал:

– Ты чё? Ты чё смотришь?

Тут я на него посмотрел всерьёз. Как большая здоровая горилла на гориллу маленькую и паршивую.

То ли мой вид был грозен, то ли подошла нужная остановка, но оба вышли из вагона. Вот и хорошо. Не хватает только опоздать к Анжелике.

Дом оказался большим. Четыре строения. Мои родители, потом я, а теперь вот Лика жили в главном, лучшем. Его я узнал по памятной доске, что мол, здесь жил Андропов. Узнал не по памяти, просто давеча в сети вычитал. Андропов, как и Брежнев, тоже правил страной, только коротко и несчастливо.

Неспешно прошёл во двор, неспешно нашёл нужный подъезд. Он, конечно, был заперт, требовался электронный ключ-пропуск, но у меня он был. Виктор Брончин оставил. За год код не сменился, и я вошел внутрь.

Подъезд – не чета моему. Чистый. Просторный. И дежурный на входе. Скорее, охранник, потому что в форме. Парень моих лет, чуть потяжелее и с маленькой рацией на груди. Проблема. Которая, как и полагается утром, решилась

сама собой:

– Виктор Леонидович! Давненько вас не видно. В командировке были?

– Вроде. Решал проблемы на ответственных участках родины.

– Ага, ясно. В хорошем месте? Вас прямо не узнать. Богатым будете.

– Даже скорее, чем ты думаешь, – Я прошел к лифту.

– Но ведь Анжелика... – сказал в спину охранник.

– И это решается, – сказал, не оборачиваясь, я.

Подъёмник здесь не простой. Нужно приложить электронный ключ, тогда только он заработает. Боковым зрением я видел, что охранник в раздумье. Понятно. Расходились Виктор с Анжеликой тихо, многие, верно, об этом и не знали. А Игорь, что здесь, похоже, бывал, так на каких правах он бывал? Друга семьи? Любовника? Но вряд ли хозяина квартиры. «Вернулся муж из командировки...»

Ключ подошел и к подъёмнику. Ещё бы.

Остановился на нужном этаже. На каком – я узнал лишь, когда вышел. На четвертом. На площадку вели две двери. Обе отменные. Фирменные. Не тех фирм, которые своими объявлениями пачкают стены, а солидных, с вековой историей. Эти фирмы ставят двери вместе с замками, и замки так запросто не сменишь. Дверь, замок и ключ – целое. Поскольку же дверь стоит весьма дорого, а денег у Анжелики много быть не могло – просто у жены такого человека, как

Виктор Брончин, их много не бывает, – я надеялся, что дверь она оставила старую. А то, что Брончин сохранил комплект ключей для себя – это бывает. Мужья и не то делают по секрету от жен. Даже самых ушлых.

Номер квартиры я знал, да вот беда – не было номера на дверях. Считалось, что в этом доме двери нужно знать в лицо.

Я стоял с ключами в руке. Память тела подскажет? Нет, молчит память тела. Попробую методом тыка. Буду надеяться, что, если ошибусь замком, сирена не завоет. Ведь может человек перепутать? Рассеянность, алкоголь, да мало ли какие причины.

Я пригляделся к ключу, потом к скважине. Замки-то заковыристые, запросто не поймёшь, что к чему. Задача...

Решилась она по-утреннему. Легко. Правая дверь открылась, и на пороге показалась женщина.

– Ты все-таки припёрся? Совсем ума лишился?

Я промолчал. Только внимательно разглядывал её. Сверху вниз. Снизу вверх.

Она в ответ осмотрела меня. Несколько раз моргнула.

– Ты зачем пришел?

– По делу. Так и будем разговаривать здесь?

– Мне с тобой не о чем разговаривать.

– Тогда зачем открыла дверь? Чтобы мой приход и наш разговор записали?

Я не знал, есть ли на площадке скрытая камера, но в таком

доме – почему нет? Атлантиды любят повсюду устанавливать средства слежения, якобы для безопасности, значит, и в этой Москве любят.

– Уходи немедленно, или Игорь...

– Игорь? А кто мне Игорь? И, кстати, кто он тебе? Заметьте, – сказал я на предполагаемую камеру, – Анжелика упомянула некоего Игоря. Если что...

– Не кривляйся. Игорь твой товарищ, а не мой.

Я не ответил. Пауза затягивалась. Ну и пусть. Я вертел ключи в руках с победным видом. И действительно, было чему радоваться: теперь-то мне известно, в какой двери стоят нужные замки, к которым подойдут мои ключи.

– Так что нужно-то? – первой не выдержала Анжелика.

– Уточнить некоторые вопросы.

– Ну, заходи...

Я и зашёл.

Да, эта квартира не чета той, в которую меня временно поселили. Комнат – много. Потолки – высокие. Стены – толстые. Воздух чист и прохладен. Родители Брончина выбрали лучшее.

Анжелика провела меня в гостиную.

– Уточняй вопросы, а то сейчас Игорь придёт...

– Что ты так боишься этого Игоря?

– Я боюсь? Это ты боишься.

– Похоже?

– Совсем память отшибло?

– До Игоря очередь в любом случае дойдёт. Давай по порядку. Я – идиот? В смысле – страдаю психическим заболеванием?

– Не сомневайся.

– Инвалид, и справка есть?

– Ты точен, как в лучшие дни.

– Второе: я дееспособен? С подобным заболеванием я могу голосовать?

Поблудневшая Анжелика рассмеялась:

– Мне бы твои заботы – голосовать!

– А заниматься движимым и недвижимым имуществом? Могу я, инвалид с психическим расстройством, заключать сделки купли-продажи? Или это могут сделать мои официальные опекуны?

– Да, да...

– И, вполне естественно, если опекуном будет жена?

– Разве нет? – порозовела Анжелика. Прямо хамелеон какой-то.

– Так вот, либо ты мой опекун, тогда ты моя жена. Либо мы в разводе, тогда ты не мой опекун. Что вряд ли. Квартира-то дорогая, место хорошее, соседи замечательные. И, уверен, помимо квартиры есть много всякого-интересного в наследстве. В общем, ты мне паспорт покажи, где штампик о разводе.

– Я поменяла паспорт.

– Тогда ещё проще: если ты поменяла паспорт, в новом и

о браке штампа не будет.

– Знаешь, Брончин, ты всегда был занудой, но сегодня превзошёл себя.

– Покажи паспорт, и конец занудству.

– Да какая разница, развелись, не развелись, будто в этом дело?

– А в чём?

– Знаешь, Брончин, смотрю на тебя и удивляюсь. Внешне – можно подумать, что ты полгода провел в первоклассной клинике, израильской или американской. Весь такой высокий, подтянутый, седину покрасил. Только мозги они тебе не вылечили, а наоборот. Сюда пришёл, вопросы дурацкие задаешь, Игоря не боишься...

Признаться, неведомый Игорь стал меня раздражать. Но поди, скажи Анжелике, что он для меня неведомый.

– Я многое пересмотрел в жизни, Лика. А собираюсь пересмотреть ещё больше. Пересмотреть и переоценить. Что-то из книг первого ряда переставить во второй и наоборот. С чем-то вообще придётся расстаться. Выбросить на свалку, а что на свалку не принимают, радиоактивные отходы, к примеру – в трехслойную тефлоно-стальную бочку, залить цементом, первую бочку положить в бочку побольше, опять залить цементом, и только затем бросить в бездонный колодец посреди безлюдной пустыни.

– Вот-вот, с головой у тебя не очень, – она стала повторяться, будто заученные реплики кончились, а своих слов

нет, или говорить своими словами она не решается. – Лечился, лечился и долечился.

– Ну, ты-то знаешь, в каких клиниках меня лечили. И каковы результаты лечения. Как опекуна, тебя просто обязаны были просвещать на эту тему.

– Ну, меня-то как раз необязательно. Скажу одно – сделали всё, что может современная наука. И даже больше.

– Вот и вылечили. Я всегда верил, что за царём служба, а за Богом молитва не пропадет. Молилась ли о здравии моем, о Лика?

Но Анжелику Шекспир не пронял. Или она о нём только слышала мельком, не более.

– Ты в секту вступил, что ли? Сразу бы и сказал! – лицо Анжелики просветлело. – Значит, это сектанты тебе мозги промыли! Квартиру оттяпать хотят, наследство! Не знают они, с кем связались!

– Почему сектанты? Правозащитники...

– Еще хуже! Правозащитники – как один иностранные агенты. Думают, управы на них нет. А вот и есть! Еще какая есть! И если ты, Брончин, на них надеешься, то зря.

– Я должен на кого-то надеяться? У меня и в мыслях этого нет.

– А что у тебя в мыслях есть?

– Понимаешь, Лика, какая штука приключилась... Вчера ко мне на квартиру – ну, в ту конуру, куда ты меня упрятила...

– Очень приличная квартира... – перебила меня Лика, но я продолжил:

– В ту конуру явилась троица, и велела мне убираться немедленно. Мол, у хозяина на неё другие планы. А мне куда-то в заповедник ехать нужно, не помню уж в какой. Баргузинский или Графский...

– Приокский, Брончин, Приокский... – и осеклась.

– Я почему-то так и решил, что ты знаешь.

– Ну, и знаю. Что такого? Пожить в заповеднике врачи советуют. Тихое, спокойное место, хорошая экология. Для здоровья очень полезно.

– Не спорю. Сам планирую пожить в тихом и здоровом месте. Но попозже. А пока пришлось уйти с той квартиры, раз хозяин настаивает. Их там трое было, вместе с хозяином, а мне много ли нужно? Стукнут раз по голове, стукнут другой – и всё лечение прахом. Мне так гуру и сказал – береги, Витя, голову, на неё у тебя вся надежда.

– Что за гуру?

– Ты сама его сектантом назвала. А он академик. Академик Чёрной Земли, высшей ступени посвящения.

– Ну, я же говорила... Полечили тебя, да не в ту сторону. А сюда ты зачем пришел?

– Зачем домой приходят? Жить, конечно. Не под забором же спать, когда у меня такие хоромы. Это даже и глупо.

– Но это... Это теперь не твой дом!

– Разве?

– Ты... Ты зарегистрирован в другом месте!

– Ну и что? Ты вот зарегистрирована здесь, но квартира-то моя! Моя и только моя!

– По документам...

– И по документам тоже, – я рисковал, но не особенно. Если бы квартирой Лика или же неизвестный, но страшный Игорь уже овладели бесспорно, то я, вернее, Брончин, был бы мёртв. – Пока в деле точка не поставлена, дело не закончено. – А доверенность отозвать не сложно. Я уже отозвал.

– Не получится. Я – твой опекун!

– Развелась со мной, инвалидом, получившим увечье на военной службе, выгнала из дома и – опекун? Это и с детдомовцами не всегда проходит, а уж со мной...

– Ты идиот! Дурак со справкой! И я с тобой не разводи-
лась!

– Сказала бы сразу, я ведь не зря спрашивал. А то паспорт, говоришь, меняю...

– На суд надеешься? Да кто ты для суда?

– А ты?

– Не обо мне дело! Ты об Игоре подумал?

– Он что, президент, Игорь? Его правая рука?

– Уж не знаю, но суд у него – в кулаке.

– Точно? Не раз доказано в научном опыте? Или это он сам так говорит? Нет, не спорю, тебе Игорь кажется человеком крупным, даже всемогущим, так любой мышке страшнее кошки зверя нет.

– А ты не мышка? Большой капитанишко, подумаешь...

– Капитан – чин не высокий. Но отец был генерал-полковником, а мать – профессором, начальником управления. И друзей у них осталось немало. Тоже генералов и тоже профессоров и начальников. И если генерал армии вдруг захочет оформить опеку над мной, много у тебя и у твоего Игоря против генерала армии шансов? Так что, голубка дней моих суровых, планы пересматривай.

В ответ она поджала губы.

– Вот-вот. Именно так. Гнать я тебя не гоню, ты моя жена, но перспектив, сама понимаешь, радужных не обещаю. Комнат здесь много, выбирай любую, там и живи тихо и спокойно. Сама говоришь, мне покой и тишина нужны. За мной будут ухаживать ученики академии Чёрной Земли, а когда я полностью проникнусь здоровьем – академик говорит, скоро, – тогда квартиру продам и поеду на Дон, где мы, возрождённые, будем строить на чёрной земле Новый Та-Ур, – я говорил слегка нараспев, как заученное. Если она думает, будто меня заманила в свои сети секта, пусть думает.

Мы сидели друг напротив друга за столом. Не за придумкой атлантидов, низенькой шаткой штуковиной, которую зовут почему-то журнальным столиком, а за прочной конструкцией морёного дуба, антиквариатом, который дед, генерал-майор Павел Брончин, вывез из Германии с документом, что «этот стол был куплен за столько-то марок у господина Мюллера». Нет, я этого не знал и не вспомнил из ниот-

куда. Это я сочинил. Но в квартире было немало ценных вещей, которые вполне могли появиться оттуда, из Германии. А деда, генерала Павла Брончина, я нашёл в бумагах Брончина Виктора. То есть моих. Эксперимент явно из тех, где просто необходимо вжиться в образ. По Станиславскому. Но знал я о Брончине мало. Спасает лишь болезнь: не помню, не знаю, а что знаю – забываю.

Я разглядывал Анжелику. Оценивал.

В себе не уверена. Переживает. В то же время не особенно боится. Считает, что для неё в любом случае исход будет благоприятным. Я её удивил, но, тем не менее, являюсь лишь докукой, непредвиденной случайностью, вроде поломки не самой нужной в быту вещи. Исправить положение не сложно, а запросто нельзя, ну, как капающий кран сменить в ванной. Придётся потерпеть, подождать мастера, только и всего.

Иного отношения к себе я не заметил. Вещь. Некстати забарахлившая вещь, которую проще заменить, чем чинить.

– Я кофе сварю, – поднялась она.

– Я не буду, мне врачи не велят.

– А тебе никто и не предлагает, – поставила она меня на место.

Вышла.

Я же пошел на разведку. Осмотреть принадлежащую мне квартиру.

Первое впечатление не обмануло: комнат было много. Не удивлюсь, если прежде на площадке было сначала три квар-

тиры, но одну мои родители (раз я в этом теле, это – мои родители) прикупили, чтобы жить просторнее. Хотя куда уж просторнее – двоим? Или чин того требовал, честь мундира?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.